

Ганина Алена, 20 лет
Рязанская область, г. Касимов,
ОГБУДО «Центр эстетического воспитания детей»,
Областная заочная школа детского литературного творчества
Педагог: Комкова Александра Викторовна

Вкус неба

Двое сидели на берегу моря плечом к плечу.

– Расскажи мне что-нибудь?

– Что?

– Что вокруг. Расскажи, что вокруг нас.

– Ну смотри. Вот там, – он обхватил её запястье и направил в сторону горизонта, – там море. Ты его слышишь. Волны совсем небольшие, но от них всё равно есть пена. На ощупь она, как... хотя что это я.

Он побежал к воде.

– Андрей? Андрей, ты куда ушёл?

– Я здесь. Вот, потрогай, – он бережно вложил ей в ладони жидкую серо-белую массу.

Она растирала её, пропускала сквозь пальцы, нюхала.

– Такая нежная, – сказала девушка с улыбкой.

– На что она похожа?

– Я бы сказал, что на растаявшее мороженое.

– Что, правда? – засмеялась девушка. – А небо? Что сейчас с небом?

Он мечтательно поднял голову и заговорил. Голос накатывал волнами, тихими и умиротворяющими всполохами. Когда он говорил, вокруг них будто создавался купол, непроницаемый для остального мира, внутри было уютно, как дома, внутри потрескивал огонь и звучала музыка виолончели.

– Тогда представь горизонт, немного выше – спелый персик. Это солнце. Если бы солнце можно было достать, оно точно было бы персиком, шероховатым на ощупь, тёплым, щедрым на сладкий сок, который растекается при маленьком надкусе. С ароматом тепла, пахнущим летом и мёдом. Круглым, пышущим здоровьем персиком. А теперь представь, что вокруг этого персика взяли и разбрызгали облака. Облака – черничный йогурт. А вернее, йогурт с двойным вкусом. Черника плавно переходит в

вишню, а на самом верхнем слое клубника со сливками превращается в кисло-сладкий контур из классического. И разбрызгали это всё, казалось бы, сумбурно и без воображения, но на небе как будто праздник. Праздничный ужин.

– Никогда не ела двойные йогурты.

– Да ты что! – Андрей сменил мечтательное выражение лица на наигранно изумлённое. – Неужели этого нет у вас в меню?

– Можешь сказать об этом папе, я была бы не против йогурта на полдники.

– Да, вот только приносить тебе его буду я в твою собственную комнату в моей новой квартире.

– Андрей, ты же знаешь, что он не позволит. Мы и в поездку эту еле выбрались. Там уход, порядок, и тебе будет...

– Думаешь, я не знаю, что такое уход? – прервал он её на полуслове. – Я с детства там, с того дня, как мать умерла, я постоянно у отца, ты же знаешь. Что такое уход за инвалидом я понимаю. Тем более, какой из тебя инвалид? Ты посмотри на себя! Да ты идёшь по улице увереннее меня. Я вспоминаю, что ты не видишь, только когда смотрю тебе в глаза. Вот тогда до меня и доходит, что незачем было гримасничать, жестикулировать. Понимаю, что половины меня, меня внешнего у тебя нет.

– Андрей, – она коснулась его колена.

– Нет, подожди. Самое важное чувство можно увидеть по глазам. Во всём теле важны лишь глаза. Руки не приласкают и не успокоят, как и голос. А любовь легко увидеть по глазам.

– Андрей, – голос девушки дрогнул. – Зачем ты это говоришь, я не понимаю.

– Затем, Аня. Ты не можешь заглянуть мне в глаза, чтобы увидеть и понять, как я к тебе отношусь. Но я обещаю, я тебя вытащу оттуда, оформлю опеку, не буду работать, и тогда окружу тебя такой заботой, что ни одна старая нянечка меня не попрекнёт. Поверь мне... Ань? Анют, ты чего?

– Андрей. Я ведь и так всё знаю, – она прикоснулась влажным от слёз носом к его плечу, подалась чуть вперёд и оставила на нём теплоту обветренных губ.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила она, чуть погодя.

– Ты имеешь в виду, куда поступать? Я уже ничего не хочу. Не надо было нам с тобой строить замки, Анют.

– Наверное, я никогда не смогу понять.

– Да что тут понимать. В цирк мне дорога, а не в театр.

Она коснулась его головы немного выше уха. Там, где должны были быть волосы, под ладонью выступали твёрдые гладкие бугорки, её рука переместилась на лоб, коснулась впадин глаз, и остановилась на щеке. Вниз от скул щека была колючая и мягкая, не такая, как лоб и голова. А губы. Его губы были нежнее всего, что она когда-либо ощущала.

– Вот смешная штука. Знал ли мой отец, который всю жизнь работал с детьми, имеющими дефекты, что его собственный сын родится уродом.

– Ты всё ещё относишь себя к уродам? Что за глупость называть других дефективными, а себя ругать.

Андрей нахмурился. Раза три он пытался что-то сказать, но либо не решался, либо резко передумывал.

– Они плакали, представляешь.

– Кто «они»?

– Две женщины на прослушивании. Одну ты знаешь, старая такая, из столицы, к нам на благотворительные вечера ездит, вторая – преподша из театрального. Как я читать закончил, первая меня узнала, начала заливать про мой рост, про гадкого утёнка и лебедя, слезу утёрла. Ты бы слышала. Вторая, как на покойника, глазела, говорила, что никогда такого чтения не слышала, и всё шёпотом. А глава комиссии сидит, смотрит мне в глаза, и спрашивает, чего я ожидал, когда решил пройти прослушивание.

– Ты мне не рассказывал.

– Потому что мне стыдно. И я злился. Те слова... Они меня с небес спустили на землю, и не на каком-нибудь облачке, мол, уровень смени, а подорвали мой самолёт, и я полетел в темноту, и никакой аварийной посадки, ведь посадочная полоса у меня была только одна, там, небом выше. Та секунда, когда я раскрыл глаза на действительность, была самая ужасная в моей жизни. Знаешь, что я ответил? Я сказал: «Простите», – и ушёл.

Она обняла его и тихо попросила:

– Расскажи, что теперь с небом?

– Персик почти одной ногой в воде, абсолютно созревший... Нет, ничего не идёт. Мы с тобой уже попробовали это небо, вкусно описать его уже не получается.

– Тогда завтра попробуем другое. Будем каждый раз узнавать всё новые вкусы.

– Значит, ты не против жить у меня?

– Всегда мечтала жить с тобой.

Волна лениво накатывала на мелкие, обточенные камни. Солнце едва касалось горизонта. Двое сидели на берегу плечом к плечу, держась за руки.